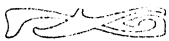
Петръ Крапоткинъ.

Организація возмездія

ИМЕНУЕМАГО

правосудіемъ



БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
Отдел № 1669
Клуба им. Я. М. СВЕРДЛО.
при В. Ц. И. К.

ИЗДАНІЕ П. В. КОХМАНСКАГО.
МОСКВА.
1906.

Пав 38

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
193

Сенъ-симонистъ Адольфъ Бланки вполнѣ основательно выдѣляетъ въ своей „Исторіи политической экономіи“ значеніе, которое имѣли экономическія формы въ исторіи человѣчества, и именно въ вопросѣ объ опредѣленіи политическихъ формъ человѣческаго общежитія и даже объ образованіи воззрѣній общества на право, мораль и философію. Въ эту эпоху французскіе либералы и радикалы сосредоточивали свое вниманіе исключительно на политическомъ строѣ и оставляли безъ вниманія послѣдствія буржуазнаго режима, устанавливавшагося тогда во Франціи на развалинахъ первой республики. Съ цѣлью выдѣленія значенія экономическаго фактора и въ видахъ привлеченія вниманія на этотъ пренебрегаемый даже лучшими умами вопросъ, а также и на возникавшее лишь тогда *) обширное-соціалистическое движеніе, Бланки несомнѣнно преувеличилъ даже значеніе экономическаго фактора и пытался всю исторію представить въ видѣ надстройки надъ зданіемъ, созданнымъ изъ отношеній экономическихъ. Впрочемъ, это преувеличеніе было вполнѣ естественно въ виду только что названныхъ причинъ: оно было необходимо или, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно. Подобныя увлеченія сплошь да рядомъ встрѣчаются въ исторіи науки. „Пусть другіе“, могъ сказать Бланки, „займутся оцѣнкой значенія прочихъ факторовъ: формъ государственнаго строя, воззрѣній на правосудіе, теологическихъ воззрѣній и пр.

*) „Исторія политической экономіи“ Бланки вышла въ свѣтъ въ 1837 г.

Я долженъ выяснить значеніе интересующаго меня предмета во всемъ его объемѣ. И это тѣмъ болѣе, что по сравненію съ нимъ значеніе прочихъ факторовъ исторіи окажется, пожалуй, даже преувеличеннымъ".

Извѣстно, до какихъ преувеличеній была впослѣдствіи доведена эта мысль германскою соціалъ-демократическою школой; извѣстны усилія, прилагаемыя нами — анархистами для привлеченія вниманія и научнаго изученія на одинъ изъ этихъ прочихъ факторовъ жизни человѣческихъ обществъ, т.-е. на государство.

Слѣдуетъ, однако, признать, что сами-то мы въ своей борьбѣ за отмѣну того по существу своему іерархическаго, централизованнаго, якобинскаго и противосвободнаго строя, который зовется *государствомъ*, — что и сами мы по-неволѣ пренебрегли до извѣстной степени въ своей критикѣ современныхъ установленій такъназываемымъ *правосудіемъ*. Мы часто говорили о немъ; анархистская періодическая печать подвергаетъ его систематической критикѣ; однако мы недостаточно подкопались подъ самыя основанія его.

Настоящій докладъ написанъ именно съ цѣлью сильнѣе привлечь вниманіе на вопросъ о такъ называемомъ правосудіи и вызвать по этому предмету обмѣнъ мыслей.

Изученіе развитія формъ человѣческаго общежитія само собой приводитъ къ заключенію, что параллельное и совмѣстное существованіе *государства* и *правосудія* (т.-е. судьи, суда, учрежденнаго со спеціальною цѣлью установленія въ обществѣ справедливости) не только проходитъ черезъ всю исторію человѣческаго общества, но и приводитъ къ тому выводу, что эти два установленія тѣсно соединены другъ съ другомъ узами причинъ и слѣдствій. Установленіе института судей, спеціально предназначенныхъ для примѣненія предусмотрѣнныхъ закономъ наказаній къ нарушителямъ такового,—по необходи-

мости приводитъ къ образованію *государства*. Кто признаетъ необходимость судьи и суда, создаваемаго исключительно для выполненія этихъ функцій, совокупно со всею системой законовъ и наказаній, отсюда истекающихъ, — тотъ тѣмъ самымъ признаетъ и необходимость государства. Отсюда истекаетъ необходимость въ учрежденіи, издающемъ законы, и соблюдающемъ единство законодательныхъ сводовъ, потребность въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для изученія толкованія и составленія законовъ, неизбѣжность системы тюремъ и палачей, полиціи и арміи на службѣ государству.

И въ самомъ дѣлѣ. Первоначальное племя, всегда живущее общиннымъ строемъ, не знаетъ судьи. Въ лонѣ племени, между членами того же племени—кражи, человѣкоубійства, нанесенія ранъ — не существуетъ. Сила обычая гарантируетъ отъ нихъ племя. Въ исключительно же рѣдкихъ случаяхъ, когда кто-либо изъ членовъ племени преступилъ бы его священный обычай, — все племя забросало бы камнями или предало бы огненной казни нарушителя обычая. Каждый броситъ въ такомъ случаѣ въ него свой камень, каждый принесетъ свою охапку дровъ, дабы не тотъ или другой членъ племени, а все племя цѣликомъ предало преступника казни.

А если человѣкъ изъ чужой общины убилъ нашего одноплеменика или нанесъ ему рану, то все наше племя должно или убить перваго встрѣчнаго изъ того племени, или нанести кому бы то ни было изъ членовъ того племени рану точно такого же рода и такой же величины: ни на одно зерно (миллиметръ той эпохи) ни шире, ни глубже.

Таково были ихъ воззрѣнія на правосудіе.

Позднѣе, въ сельской общинѣ первыхъ вѣковъ нашей эры взглядъ на правосудіе измѣняется. Идея мести мало по малу исчезаетъ (чрезвычайно медленно и особенно у племенъ земледѣльческихъ, сохраняясь много дольше среди племенъ воинствен-

ныхъ); вмѣсто нея распространяется идея *возмездія* по отношенію къ потерпѣвшему лицу или семьѣ. Съ появленіемъ самостоятельной, патріархальной семьи, обладающей собственнымъ семейнымъ имуществомъ (въ скотѣ или рабахъ, захваченныхъ у другихъ племенъ), идея возмещенія принимаетъ все болѣе характеръ оцѣнки того, что „стоитъ“ (въ матеріальномъ отношеніи) человѣкъ раненный, пострадавшій какимъ-либо образомъ отъ насилія или убитый: столько-то за раба, столько то—за земледѣльца, за военачальника или царька, утраченнаго данною семьей. Эта оцѣнка людей составляетъ сущность первыхъ варварскихъ кодексовъ.

Сельская община собирается на сходъ и установляетъ наличность *факта* при посредствѣ свидѣтельства шести или двѣнадцати присяжныхъ отъ каждой изъ сторонъ, стремящихся воспрепятствовать проявленію грубой мести и предпочитающихъ уплатить или получить взамѣнъ ея извѣстное вознагражденіе. Старѣйшины общины или барды, сохраняющіе законъ (оцѣнку людей въ зависимости отъ ихъ принадлежности къ тому или другому классу) въ своихъ пѣсняхъ, или, наконецъ, *приглашенные* общиной судьи опредѣляютъ таксу за пораненія: столько-то головъ скота — за такую-то рану или за такое-то убійство. Виновный въ кражѣ приговаривается по-просту къ возстановленію похищенной вещи или ея стоимости и къ нѣкоторой пенѣ въ жертву мѣстнымъ богамъ или въ пользу общины.

Но мало-по-малу, въ зависимости отъ переселеній и завоеваній, свободныя общины многихъ народностей подвергаются порабощенію. Племена и народные союзы съ различными обычаями смѣшиваются въ предѣлахъ той же территоріи, при сохраненіи, впрочемъ, дѣленія на побѣдителей и побѣжденныхъ. Къ тому же среди этого смѣшенія народностей впослѣдствіи поселяются пресвитеръ и епископъ—опасные колдуны — римско-христіанской религіи. И, мало-по-малу, вмѣсто барда, вмѣ-

сто приглашеннаго судьи или старѣйшинъ, которые нѣкогда опредѣляли таксу вознагражденія, эту роль принимаетъ на себя, поставленный епископомъ, начальникъ военнаго отряда побѣдителей, князь или царекъ.

Всѣ эти преемники первобытныхъ вершителей правосудія, научившись кое-чему въ монастыряхъ или при дворахъ царьковъ и вдохновляясь примѣрами Ветхаго Завѣта, мало-по-малу становятся *судьями* въ современномъ пониманіи этого слова. Пеня, которая нѣкогда уплачивалась мѣстнымъ божествамъ или мѣстной общинѣ, — обращается теперь уже въ пользу епископа, царька, его намѣстника и т. д. Пеня имѣетъ теперь уже первенствующее значеніе, тогда какъ вознагражденіе, присуждаемое въ пользу потерпѣвшихъ за причиненное имъ зло, ступеньками мало-по-малу, замѣняясь штрафомъ, уплачиваемымъ въ пользу этого зародыша государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ постепенно распространяться идея наказанія, которая вскорѣ достигаетъ преобладающаго значенія. Особенно ярко сказывается нежеланіе довольствоваться принципомъ возмещенія у христіанской церкви; она хочетъ *карать*, внушать подчиненіе своей власти, терроризовать по образцу своихъ израильскихъ предшественниковъ. Рана, нанесенная члену духовенства, является уже не обыкновеннымъ пораненіемъ человѣка; это преступленіе—оскорбленіе божества. Сверхъ матеріальнаго возмещенія въ подобномъ случаѣ требуется еще искупленіе вины, и варварство искупительнаго наказанія все увеличивается. Свѣтская власть не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ христіанскаго духовенства.

Въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкахъ начинаютъ обрисовываться признаки революціи въ нѣдрахъ городскихъ общинъ. Начинали онѣ изгнаніемъ епископскаго судьи, мѣстнаго владѣтельнаго князя или короля, и затѣмъ совершали свой „заговоръ“. Горожане давали клятвенное обѣщаніе, во-первыхъ навсегда отказаться отъ всѣхъ распрей, исходя-

щихъ изъ родовой мести, въ случаѣ же возникновенія новыхъ столкновеній они обязывались ни въ коемъ случаѣ не обращаться къ судьѣ, поставленному епископомъ или мѣстнымъ феодальнымъ владѣльцемъ, а направляться съ жалобой въ гильдію, приходъ или общину. Синдики, избранные гильдіей, улицей, приходомъ, общиной или, въ болѣе важныхъ случаяхъ, соединенное общее собраніе гильдіи, прихода и общины опредѣляетъ размѣръ вознагражденія, причитающагося пострадавшему лицу.

Помимо того, поистинѣ, чрезвычайно обширное примѣненіе пріобрѣтаетъ третейскій судъ, независимо отъ класса и состава тяжущихся сторонъ, т. е. какъ между частными лицами, такъ и между гильдіями и между общинами.

Но, съ другой стороны, католицизмъ и возстановленное изученіе римскаго права не оказываются безъ вліянія на развитіе народныхъ воззрѣній. Священникъ преимущественною темою своихъ проповѣдей избираетъ примѣры возмездія со стороны Бога гнѣва, Бога мести. Предпочтительнымъ аргументомъ (сохранившимся, впрочемъ, и до нашихъ дней) служитъ здѣсь вѣчное отмщеніе, къ коему присуждается тотъ, кто согрѣшитъ противъ требованій и предписаній духовенства. Основываясь на евангельскомъ повѣствованіи объ одержимыхъ бѣсомъ, служители папскаго католицизма видятъ бѣсноватаго въ каждомъ нарушителѣ закона и изобрѣтаютъ всевозможныя, ужаснѣйшія пытки съ цѣлью изгнанія бѣса изъ тѣла „преступника“. Въ случаѣ „нужды“ несчастный „бѣсноватый“ погибаетъ на кострѣ. А такъ какъ, начиная съ первыхъ же вѣковъ христіанства, священникъ вступаетъ въ союзъ съ феодальнымъ властелиномъ, и такъ какъ самъ священникъ всегда является и свѣтскимъ владыкой, папа же римскій— королемъ, — то „служитель алтаря“ обрушивается и преслѣдуетъ своею местью и того, кто осмѣлился нарушить свѣтскій законъ, безразлично, будь тотъ законъ изданъ военачальникомъ, феодальнымъ владѣльцемъ, королемъ, прелатомъ-феода-

ломъ или папой-королемъ. Самъ римскій первосвященникъ, къ коему постоянно обращаются, какъ къ верховному посреднику и третейскому судьѣ, окружаетъ себя штатомъ законовѣдовъ, изощрявшихся въ казуистикѣ государственнаго и феодальнаго права. Человѣческій здравый смыслъ, знаніе правовыхъ обрядовъ и обычаевъ народныхъ, пониманіе и умѣніе разобраться въ духовной природѣ человѣка, — т.-е. все, что нѣкогда относилось къ достоинствамъ народныхъ судовъ, нынѣ признано безполезнымъ, вреднымъ, способствующимъ развитію дурныхъ страстей, внушеніемъ діавольскимъ, духомъ мятежнымъ. „Прецедентъ", въ видѣ рѣшенія какого-то судьи, носитъ характеръ *закона*. Для того же, чтобы усилить престижъ этого *закона*, за прецедентами обращаются къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ — къ постановленіямъ и законамъ императорскаго Рима или даже Израильской монархіи.

Третейскій судъ, мало-по-малу, окончательно исчезаетъ параллельно съ возвышеніемъ могущества феодальнаго владѣльца, князя или герцога, короля, епископа и папы, по мѣрѣ того, какъ упрочивается союзъ между свѣтскою и духовною властью. И та, и другая не допускаютъ вмѣшательства посредниковъ въ отношенія тяжущихся и насильно требуютъ, чтобы стороны являлись за разрѣшеніемъ своихъ тяжбъ къ ихъ намѣстникамъ или судьямъ. Вознагражденіе потерпѣвшей стороны почти вовсе исчезаетъ въ области „уголовныхъ" дѣлъ и вскорѣ всецѣло замѣняется *возмездіемъ* во имя христіанскаго Бога или Римскаго государства. Подъ вліяніемъ Востока наказанія принимаютъ все болѣе и болѣе жестокій характеръ. Церковь, а вслѣдъ за нею и свѣтская власть, доходятъ до виртуозности въ смыслѣ этой жестокости; чтеніе или изображеніе наказаній, примѣнявшихся въ XV и XVI вѣкахъ является почти невыносимымъ для современнаго читателя.

Такимъ образомъ главныя положенія этой основной, существенной стороны каждаго человѣческаго сообщества были подвергнуты коренному преобразованію въ періодъ между одиннадцатымъ и шестнадцатымъ вѣками. Государственная власть, въ силу причинъ, которыя мы пытались освѣтить въ нашемъ изслѣдованіи о *Государствѣ и его исторической роли*, окончательно подчиняетъ своей власти общины, отказавшіяся уже, *даже въ воображеніи своемъ*, отъ федеративныхъ принциповъ третейскаго суда и народнаго правосудія (сущность общины XI вѣка); дальнѣйшая же побѣда становится сравнительно нетрудною. Общины, подъ вліяніемъ христіанства и римскаго права, обратились уже въ своего рода мелкія государства; жители ихъ стали уже государственниками въ преобладающихъ своихъ воззрѣніяхъ.

Конечно, весьма интересно прослѣдить, какимъ образомъ измѣненіе экономическихъ условій, происходившее въ теченіе этихъ пяти столѣтій, отдаленныя торговыя сношенія, экспортъ, учрежденіе банковъ и общинные займы, войны, колонизація и зародыши крупнаго производства подъ началомъ капиталиста-предпринимателя, какимъ образомъ всѣ эти условія смѣняютъ производство, потребленіе и торговлю, не выходящія за предѣлы общины. Чрезвычайно интересно еще установить, какимъ образомъ эти многочисленные и различные экономическіе факторы оказали вліяніе на преобладающія умственныя теченія. Весьма цѣнныя изслѣдованія по этому вопросу разсѣяны въ многочисленныхъ трудахъ, посвященныхъ исторіи различныхъ общинъ. Кромѣ того, въ этихъ же трудахъ разбросано нѣсколько изслѣдованій (несравненно болѣе трудныхъ, однако, и всегда противныхъ правовѣрному ученію) на тему о вліяніи господствующихъ принциповъ христіанской и римской правовой догматики. Но было бы столь же неправильно и противно научнымъ пріемамъ приписывать преувеличенное, рѣшающее вліяніе первому изъ упомяну-

тыхъ факторовъ, сколь невѣроятно было бы въ области ботаники утвержденіе, будто сумма тепловыхъ единицъ, воспринятая растеніемъ, исключительно и преимущественно вліяетъ на его развитіе,—упустивъ при этомъ изъ виду значеніе для растенія свѣта и влаги. Эта ошибка была бы еще значительнѣе, если бы вопросъ касался установленія факторовъ, опредѣляющихъ измѣненіе того или иного вида.

Этотъ краткій историческій обзоръ даетъ уже намъ возможность замѣтить, до какой степени близко соотношеніе между институтомъ общественнаго возмездія, именуемаго правосудіемъ, и государствомъ; насколько эти два исторически-нераздѣльныя установленія другъ друга поддерживаютъ, и насколько они взаимно другъ изъ друга исходятъ.

Путемъ спокойнаго мышленія не трудно прійти къ выводу, насколько прочна и *логическая нераздѣльность* этихъ установленій; насколько тожественна общность ихъ происхожденія изъ области того же круга представленій о власти, бдящей надъ безопасностью общества и простирающей свою мстящую десницу на тѣхъ, кто нарушаетъ установившіеся пережитки, т.-е. *законъ*.

Назначьте намъ судей, спеціально поставленныхъ вами и вашими правителями, для отмщенія за насъ нарушителямъ законодательныхъ прецедентовъ, собранныхъ въ кодексахъ,—или хотя бы для возмездія во имя закона за нарушеніе обычаевъ общежитія во вредъ интересамъ общества, — и логическимъ послѣдствіемъ сего явится государство. Съ другой же стороны, сохраните во главѣ общественнаго строя то пирамидообразное, строго централизованное, обнимающее всѣ факторы общественной жизни установленіе, которое мы зовемъ государствомъ, — и вамъ по необходимости придется мириться съ институтомъ судей, назначенныхъ или утвержденныхъ государствомъ, поддер-

живаемыхъ исполнительною властью въ ихъ функціяхъ воздателей возмездія во имя государства по отношенію къ нарушителямъ его установленій и требованій.

Въ настоящее время мы переживаемъ эпоху, когда всѣ устои, всѣ основныя положенія, на коихъ зиждется современный общественный строй, подвергаются коренному пересмотру. Право собственности на землю и на общественный капиталъ мы считаемъ квалифицированною кражей, узаконеннымъ захватомъ; мы отрицаемъ подобное право. Мы называемъ монополіей, созданною правящею Мафіей, тѣ концессіи, которыя эксплоатируютъ различныя желѣзнодорожныя, газоосвѣтительныя и имъ подобныя акціонерныя общества. Мы именуемъ узурпаторами нашихъ правителей, сплотившихся въ могущественную организацію, дабы обезпечить свою опеку надъ нами. Мы зовемъ, наконецъ, разбойничьими тѣ государства, которыя нападаютъ другъ на друга съ завоевательными цѣлями.

Отъ насъ самихъ зависитъ нынѣ рѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ направленіи. Иначе говоря: остановиться ли намъ на полупути и, въ видѣ дани нашему воспитанію въ духѣ римско-христіанской и римской правовой мести, уважить ублюдка этихъ двухъ умственныхъ теченій, въ образѣ такъ называемаго правосудія. Направить ли острое лезвіе нашей критики на это установленіе, являющееся истиннымъ устоемъ капитализма и государства? Или, быть можетъ намъ слѣдуетъ избрать третій изъ представляющихся намъ путей; т.-е. проникнутые основанными на мести предразсудками, исходящими изъ представленія о Богѣ-мстителѣ, задачу коего намъ предстоитъ облегчить, и изъ понятій о государствѣ, обожествленномъ до степени признанія его воплощеніемъ провосудія, мы сохранимъ установленіе—мірскую власть Божества,—которое мы именуемъ правосудіемъ. Мы поставимъ надъ собой судей,

нами ли избираемыхъ или назначаемыхъ нашими правителями, и скажемъ этимъ судьямъ: „Блюдите, чтобы обряды, обычаи и судебныя установленія, извѣстные подъ именемъ закона, были соблюдаемы. Воплотивъ въ лицѣ своемъ правосудіе, карайте нарушителей соціальныхъ установленій человѣческаго общежитія. Мы предоставимъ въ ваше распоряженіе физическую силу, потребную для понужденія упорствующихъ, и будемъ оказывать вамъ нравственную поддержку... Вы же—дѣйствуйте".

Такимъ путемъ мы положимъ прочное основаніе государству—силѣ, стоящей выше общества и неизбѣжно стремящейся къ централизаціи, къ распространенію своего могущества. Существованіе этой силы будетъ обезпечено до того времени, пока ее не свергнетъ новая революція.

Третейскій судъ могъ судить и судилъ согласно своему пониманію правосудія примѣнительно къ каждому отдѣльному случаю, согласно своему знанію и пониманію установившихся человѣческихъ отношеній, согласно своему воззрѣнію на индивидуальную и общественную совѣсть. Но судья, поставленный на свое мѣсто, чтобы судить, судья, спеціальное призваніе коего — наказывать, — *долженъ* руководствоваться писаннымъ закономъ, кодексомъ. Въ виду этого создается необходимость въ законодательной машинѣ, въ особой организаціи, изготовляющей этотъ кодексъ, въ учрежденіи, производящемъ выборъ среди различныхъ юридическихъ прецедентовъ и кристаллизирующемъ въ видѣ законовъ тѣ изъ этихъ прецедентовъ, сохраненіе коихъ будетъ признано полезнымъ. Разрѣшеніе непосредственно самимъ народомъ вопроса о способѣ формулированія обязательнаго юридическаго прецедента — является химерой, въ которую не вѣрятъ сами же сторонники непосредственнаго народоправства. *Необходимо* посредствующее правительство въ лицѣ выдающихся людей, ницшеанскихъ сверхъ-людей, призванныхъ къ формулированію законовъ.

Въ равной степени и для толкованія формулы закона необходимы спеціалисты, въ лицѣ правовѣдовъ. Эти спеціалисты-законники неизбѣжно обратятся въ маніаковъ слова и буквы; вслѣдствіе этого современному ихъ обществу прійдется нести всю тяжесть пережитковъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ. Они-то будутъ кричать намъ: „назадъ", когда мы будемъ стремиться впередъ.

Кромѣ того, нельзя будетъ обойтись и безъ вооруженнаго розгами и сѣкирой ликтора,—т.-е. власти исполнительной, силы, предоставленной въ распоряженіи „права". А тогда, значитъ, нужны и полиція, и сыщики, и агенты-провокаторы и проститутки въ роли ихъ помощницъ; нуженъ и палачъ; нужны тюрьма съ тюремною стражей, тюремный принудительный трудъ и все прочее, — вся та невообразимая грязь, которая наполняетъ и окружаетъ тѣ „университеты преступленія", тѣ питомники противообщественныхъ стремленій, какими неизбѣжно являются всѣ рѣшительно тюрьмы.

Наконецъ, необходимымъ становится еще и правительство для наблюденія, организаціи и награжденія арміи надзирателей. Неизбѣжно установленіе крупнаго налога на содержаніе этой машины; необходимо законодательство для приведенія ея въ дѣйствіе, а въ связи съ нимъ — судьи, полиція и тюрьмы для внушенія уваженія къ уголовному и исправительному законодательству.

Судья приводитъ съ собой государственную власть. Изученіе историческаго развитія и могущества государственной власти ясно обнаруживаетъ, сколь громадную, первостепенную, фундаментальную роль сыгралъ судья въ дѣлѣ созданія современнаго централизованнаго государства.

Революціонировать свои воззрѣнія относительно цѣлаго ряда основныхъ положеній, которыя дотолѣ считались главнѣйшими устоями каждаго человѣческаго общества (собственность, божественное происхожденіе монархической власти и проч.), мы

можемъ продолжить наше дослѣдованіе вплоть до самыхъ источниковъ, до мѣста и времени возникновенія всевозможныхъ родовъ притѣсненій и гнета.

Пламенемъ нашей критики мы освѣтимъ область дѣятельности правосудія, сосредоточеннаго въ компетенціи спеціальной касты, область примѣненія той груды всевозможныхъ древнихъ пережитковъ, которая именуется кодексомъ.

Тогда мы убѣдимся, что кодексъ, т.-е. (всякій кодексъ вообще) представляетъ собой не что иное, какъ собраніе пережитковъ, формулъ, заимствованныхъ изъ понятій эпохи рабства экономическаго и умственнаго, изъ понятій безусловно противныхъ тѣмъ воззрѣніемъ, которыя возникаютъ и развиваются среди насъ — соціалистовъ всѣхъ школъ. Всѣ эти кодексы представляются рядомъ кристаллизованныхъ формулъ, пережитковъ, которымъ старается подчинить насъ наше рабское прошлое съ цѣлью воспрепятствовать нашему развитію и совершенствованію. И мы съ брезгливостью отстранимъ всякій подобный кодексъ. Мало того, что каждое изъ подобныхъ „уложеній“ заключаетъ въ себѣ извѣстныя нравственныя положенія, основную мысль коихъ и сами мы раздѣляемъ. Разъ кодексъ устанавливаетъ *наказаніе* для вящаго подтвержденія ихъ непреложности,—мы его отвергаемъ. Не говорю уже про многочисленныя рабскія положенія, которыя каждый кодексъ совмѣщаетъ съ дѣломъ нравственнаго совершенствованія человѣка при помощи кнута. Каждый кодексъ представляетъ собой не что иное, какъ кристаллизацію прошлаго, созданную съ цѣлью заторможенія грядущаго прогресса.

Продолжая свою критику, мы, безъ сомнѣнія, обнаружимъ, что каждое законное наказаніе является, въ сущности, местью — узаконенною и принудительною. Но необходима ли месть? спросимъ мы. Способствуетъ ли она на самомъ дѣлѣ, соблюденію обычаевъ общежитія? Не служитъ ли

провозглашеніе *долга мести* въ дѣйствительности лишь благопріятнымъ условіемъ для *установленія* и *укрѣпленія* въ обществѣ обычаевъ противообщественныхъ? И если мы зададимъ себѣ вопросъ, не служитъ ли система законныхъ наказаній совмѣстно съ полиціей, лжесвидѣтелями, сыщиками, тлетворнымъ воспитательнымъ вліяніемъ тюрьмы, маніаками буквы закона и прочимъ,— не способствуетъ ли все это введенію въ нравственный организмъ общества крайней умственной извращенности, по существу своему несравненно болѣе опасной, нежели противообщественныя дѣянія „преступниковъ“; если мы зададимъ себѣ этотъ вопросъ и станемъ доискиваться его разрѣшенія въ изученіи дѣйствительности, то мы тотчасъ же убѣдимся въ томъ, что сомнѣнія насчетъ отвѣта тутъ быть не можетъ. И тогда мы отринемъ систему наказаній такъ же, какъ отвергнемъ цѣликомъ и узаконяющіе эту систему кодексы.

Умственно освободившись отъ этого худшаго изъ пережитковъ, мы будемъ въ состояніи (не заботясь о томъ, что сдѣлали въ этомъ отношеніи церковь и государство) изслѣдовать вопросъ о средствахъ наиболѣе пригодныхъ (примѣнительно къ людямъ, какими они являются на самомъ дѣлѣ) къ развитію въ нихъ чувствъ и стремленій общежительныхъ и препятствующихъ развитію стремленій противообщественныхъ.

Каждый, кто произведетъ подобное изслѣдованіе, освободившись отъ традиціи правосудія, тотъ навѣрное не придетъ къ заключенію въ пользу суда и исправительной системы. И не здѣсь станетъ онъ искать разрѣшенія вопроса.

Онъ убѣдится въ томъ, что третейскій судъ по избранію тяжущихся сторонъ, оказался бы вполнѣ достаточнымъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ. Онъ пойметъ, что невмѣшательство свидѣтелей возникающей распри или столкновенія, является по-просту скверною привычкой, пріобрѣтенною нами съ тѣхъ поръ, какъ у

насъ имѣются судъ, полиція, священникъ и государство; что активное вмѣшательство друзей и сосѣдей само по себѣ предотвратило бы громадное большинство грубыхъ столкновеній.

Онъ уразумѣетъ также, что заводя у себя полицію, жандармовъ, палачей, тюремщиковъ и судей, съ единственною лишь цѣлью производить законное возмездіе по отношенію къ тому незначительному меньшинству людей, которые преступаютъ обычаи общежитія или умышленно нарушаютъ чужіе интересы, вмѣсто того, чтобы каждому слѣдить за собой и за другими во избѣжаніе подобныхъ нарушеній и съ цѣлью исправленія происшедшаго отъ нихъ вреда. Онъ пойметъ, что дѣйствовать подобнымъ образомъ столь же неблагоразумно и неэкономно, сколь невыгодно предоставлять завѣдываніе промышленнымъ производствомъ хозяевамъ, вмѣсто того, чтобы сгруппироваться самимъ для удовлетворенія своихъ нуждъ. И если мы считаемъ человѣка способнымъ современемъ обойтись безъ хозяевъ-предпринимателей, то лишь въ силу обыкновенной привычки и благодаря лѣни нашего ума мы не дошли еще до пониманія того, что люди, умѣющіе обойтись безъ хозяевъ въ области матеріальной, будутъ настолько сообразительны, что могутъ прожить и безъ хозяевъ въ сферѣ морали, т.-е. безъ судей и полиціи. Тѣмъ же способомъ, которымъ люди будутъ доискиваться и найдутъ возможность удовлетворять свои потребности безъ хозяевъ, — сумѣютъ они отыскать средство (достаточно уже указанное) возвысить человѣческую общежительность и воспрепятствовать индивидуумамъ слишкомъ горячимъ или анти-общественнымъ *по природѣ своей* (существуютъ ли они только?) являться элементомъ, опаснымъ для общества. Воспитаніе, болѣе или менѣе обезпеченное существованіе, болѣе тѣсное сближеніе людей и въ особенности смягченіе наказаній произвели уже поразительныя измѣненія въ этомъ направленіи.

Неужели мы менѣе способны содѣйствовать дальнѣйшимъ измѣненіямъ въ этомъ смыслѣ, независимо отъ того, будемъ ли мы членами общества коллективистовъ или коммунистовъ, соціалистовъ или анархистовъ? Неужели мы въ этомъ отношеніи оказались бы ниже нашихъ дорогихъ нынѣшнихъ правителей?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Организованное общественное возмездіе, именуемое правосудіемъ, является пережиткомъ рабскаго прошлаго, развившимся съ одной стороны въ зависимости отъ интересовъ привилегированныхъ классовъ, съ другой же — подъ вліяніемъ принциповъ римскаго права и идеи божественнаго возмездія, которые постольку же являются основаніями христіанской религіи, поскольку устоями ея служитъ ученіе о всепрощеніи и объ отрицаніи человѣческой мести.

Организація общественнаго возмездія, именуемаго правосудіемъ находится въ полномъ историческомъ соотвѣтствіи съ созданіемъ государства. Логически эти понятія также неразрывны. Судья является носителемъ понятія государства централизованнаго, якобинскаго; государство создаетъ судью, спеціально назначаемаго для возмездія по отношенію къ тѣмъ, кто окажется виновнымъ въ совершеніи противообщественныхъ дѣяній.

Прямое слѣдствіе рабства политическаго, экономическаго и умственнаго — этотъ институтъ служитъ лишь къ увѣковѣченію такового. Онъ служитъ къ сохраненію въ обществѣ идеи обязательнаго возмездія, возведеннаго въ добродѣтель. Онъ служитъ школой противообщественныхъ страстей въ тюрьмахъ. Онъ извергаетъ въ общество порокъ нравственнаго растлѣнія, возникающій въ стѣнахъ судилища и темницы; въ этомъ отношеніи главную роль играютъ полицейскій, палачъ, сыщикъ, агентъ

провокаторъ, агенты частныхъ сыщиковъ и проч. И этотъ потокъ съ каждымъ днемъ все расширяется. Во всякомъ случаѣ это зло много превосходитъ добро, которое приписывается правосудію, въ качествѣ угрозы наказанія.

Общество, которое нашло бы невыгодною и общественно-вредною настоящую организацію экономической жизни, предоставленной въ распоряженіе предпринимателя-капиталиста, — такое общество несомнѣнно обнаружило бы также и то, что порученіе заботъ о развитіи общежительныхъ началъ организаціи правового возмездія не менѣе невыгодно и противно освободительнымъ принципамъ. Подобное общество уразумѣло бы, что кодексъ есть не что иное, какъ кристаллизація, обоготвореніе обычаевъ и представленій, принадлежащихъ прошлому, къ которому всѣ соціалисты относятся съ омерзеніемъ. Оно сумѣло бы обойтись безъ учрежденій правосудія.

Это общество нашло бы возможность обойтись безъ него, при помощи добровольнаго третейскаго суда, при условіи болѣе тѣсныхъ узъ, которыя не замедлили бы возникнуть и силотить всѣхъ гражданъ, и при посредствѣ могучихъ воспитательныхъ средствъ, которыми, несомнѣнно обладало бы общество, которое не согласилось бы представить заботу о нравственной своей гигіенѣ произволу жандарма.

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.